



Включаемый пороками

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей Калинин

18+

Алексей Райман

Включаемый пороками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295725

SelfPub; 2024

Аннотация

Четыре истории от лица неодушевлённого предмета (торшера), стоящего в углу гостиничного номера пятизвездочного отеля в центре столицы. Каждая история невольное свидетельство человеческих пороков, слабостей, страхов, вожделений и последствий следующих, когда человек идет на поводу всего того, что не хочется признавать в себе, и уж тем более кому-то показывать.

Содержание

Любовь с первого взгляда № 1.	4
Счастливый брак № 2.	11
Опекунство № 3.	20
Успех № 4.	36

Алексей Райман

Включаемый пороками

Любовь с первого взгляда № 1.

В номере стало светло – включены все осветительные приборы. Тени негде упасть, темно только под большой двухспальной кроватью размера «Кинг Сайз», как и заявлено в описании этого пятизвездочного отеля в самом центре столицы на Букинге. Два кресла с деревянными ножками, обитые дорогой бежевой кожей, и небольшая софа видны как на ладони со всеми потертостями от одежды эксплуатирующих их постояльцев. Дубовый массивный стол с тумбой, дверцы которой элегантно скрывают мини-холодильник с бутылочками алкоголя и напитками. Включен даже я.

Я – торшер, стоящий в углу этого полулюкса, около окна с почти всегда занавешенными плотными шторами в золотой отлив, не пропускающими уличного света. Я включаюсь при нажатии клавиши слева от входной двери напротив ванной комнаты, но отключаюсь отдельным подергиванием бичевой веревочки, на конце с деревянным шариком, свисающей из моего абажура. Интересно, когда проектировали иллюмина-

цию отеля и последовательность включения и выключения, тот, кто это делал, знал о том, что люди охотнее идут на сделку с дьяволом и своей совестью при полумраке, нежели при полном свете? Ведь когда идут на перелом страха, морали и принципов, на поводу похоти, вожделения, одержимости запретным плодом, зависимости и всего того, что совершается с холодными мурашками – гримасы человека далеко не для фото в профиле соцсети.

В коридор запархивает девочка лет восемнадцати в шелковом и коротком платье. На руке у неё браслет из модного ночного клуба «Флава», в ней она держит клатч марки «Луи Витон» из несуществующей коллекции. Сразу при входе она начинает снимать босоножки, немного скрючившись и выдав себя, что она первый раз в дорогом отеле. В декольте виднеется еще не до конца сформировавшаяся грудь, но уже обласканная мужскими руками, скорее всего по любви в родной Костроме перед переездом в Москву для поступления в ВУЗ.

– Ну давай, малышечка, давай, давай! Не стесняйся! – уверенно и звонко, хватая её за маленькую и упругую попу одной рукой и толкая стоящего сзади в дверях, произносит «московский темщик». В футболке «Пэлм Анджелес» и спортивных штанах «Гучи», не собирающийся разуваться и оставлять на ковролине свои «изики» без присмотра.

– Егооор, хватит, ты же обещал! – с обидой и кокетством

возмущается Настенька.

– Изи, изи, детка, ок! – подняв обе руки к груди, как будто сдаётся, с оскалом глядя на неё, параллельно любуясь на ключи от арендованного Гелика, свисающих на среднем пальце, вылетает из Егора.

Егору лет двадцать шесть-двадцать восемь. Он уже бывал в таких местах и не раз, судя по нахрапистости и выражению не обезображенного интеллектом лица. У него есть четкий план на остаток ночи, об этом знает он и я, но я знаю о том, что он есть, а какова грань грязи – знает только Егор. Только наивная Настенька, всё ещё верящая в мужское благородство из школьных романов, даже представить не может, что люди вообще могут быть лицемерны, не то чтобы относительно неё.

– Алло, мадам, шампанского, виски триста грамм и фруктов каких-нибудь! – Ещё надо что, белочка? – повернувшись к Настеньке, которая скромно расположилась на софе, прижав сумочку к собранным вместе коленкам.

– Нет, спасибо большое. Егор! – промурлыкала она, запомнив его имя, несмотря на то, что он обратился к ней Настя всего один раз два часа назад при знакомстве в клубе, и зачарованно наблюдая, как он уверенно разговаривает по телефону, стоя за дубовым столом, и выпускает дым мятной сигареты на кричащую надпись «курение запрещено».

– Ок, белочка! Мадам, это всё, не затягивайте, жду! – небрежно буркнул и так же опустил трубку.

Портье принес заказ. Егор налил себе виски, Насте шампанского.

– За тебя, моя сладкая – топорно чокнувшись своим бокалом о ее фужер, где еще не опустилась пена. Выпил залпом, поморщился и полез в карман джинсов, другой рукой не успев поставить опустевший бокал.

– Спасибо! – щурившись и мило улыбаясь от того, что пузырьки игристого щекочут аккуратный носик в веснушках, – нежно произнесла Настенька

– Ой а что это ? – Увидев, как у него в руках появился пакетик с белым порошком.

– Это московский модный прикол. Сейчас все его употребляют, – произнес заготовку Егор, одновременно подойдя к основному выключателю. Осталось только мое освещение, и я видел, как блестят его маленькие глазки на щетинистым лице, где эта щетина была, как под линейку, нарисована с геометрической точностью барбером.

– Ммм. – Но ничто ее не насторожило, а если и настораживало, то страх быть осмеянной и отверженной таким перспективным молодым человеком. Тот же страх толкал не сомневаться ни в чем, что он предложит. Егор это понимал лучше нее. Очень опытными движениями орудуя картой, Егор сделал две дорожки, и сразу же снюхал одну. На-

чал морщиться и чесать нос левой рукой, правую с купюрой протянул Насте.

– Точно это все сейчас употребляют? Просто так пахнет, с изумлением спросила Настенька. Даже я, стоявший в метре, ощутил этот ни с чем несравнимый запах жженой химии мефедрона.

– Делай давай! – глотая колу и скривившись от того, что вся это пластмасса проваливалась уже в горле, прохрипел «темщик». И Настенька понюхала.

Он сразу подсел к ней на софу и убрал с колен клатч, начал целовать шею за ухом, к груди, опуская руку под платье между тоненьких ножек.

Настя, вроде попыталась сопротивляться, отталкивать его, но щипало нос, тело начало терять контроль. Глаза закатились на опрокинутом назад лице, руки не слушались, соскальзывали с его напористых лап в тщетных попытках не дать его пальцам проникнуть в нее. Но в то же время ей было приятно, так как она начала слегка постанывать, ощущая его конечности в себе. Она позволила снять платье, положить себя на кровать, веки были прикрыты, и глазниц уже не было видно. Он перевернул ее на живот и овладел ей окончательно. Она безвольно лежала раскинув руки в стороны, повернувшись лицом ко мне, но большая часть ее сознания здесь не присутствовала, в еле открытых глазах не было ни намека на осознанность.

Вдруг я увидел, как в номер входит парень, дверь была закрыта не до конца специально Егором. Его дружок Марсель, кудрявый мелированные модник, они вместе были во «Флаве». Крадясь по коридору прикрывал свою винировую улыбку рукой, чтобы не рассмеяться, когда встретился с глазами со ждавшим его голым подельником. Для него это была забава и он не хотел усложнить себе задачу, будучи замеченным Настей раньше времени.

Прямо в коридоре он полностью разделся и наблюдал, возбуждая себя руками, пока его друг закончил трахать стонущую и беспомощную Настеньку.

Егор кончил, не выходя из нее, подал жест кивком головы Марселю и они поменялись. Настя не поворачивалась, продолжила стонать, но уже под другим. Когда и Марсель кончил, сразу вышел из нее, встал во весь рост голым.

– Дай пять. Братан! Протянул ладонь и во все голос победоносно промычал кудрявый.

– Лови! – угорая хлопнул его по ладони, тоже голый дружок, сидящий с раскинутыми ногами в кресле.

Настенька повернулась и уже к этому моменту ее начало отпускать. Поняв, что в номере еще и Марсель, она осознала произошедшее. Я увидел как на ее лице читался ужас с пронзающим стыдом. Она начала прикрывать себя руками. Осознание произошедшего настигало ее все больше с каждой секундой, и она побледнела и даже заплакать не могла. Она не знала куда смотреть, ее глаза то бегали, то останав-

ливались на мне, то еще на каких-то предметах.

Эти двое быстро и шутя друг с другом оделись и уходя оставили на столе 2 купюры с Волгоградом.

Настенька услышала, что дверь захлопнулось. Не контролируя себя, прикрывая промежность и грудь, подошла ко мне и дернула за бечевку – стало темно и тихо, я только слышал как она начала плакать в темноте и глотая слюни звать маму.

Счастливым брак № 2.

Яркий свет резко будит меня, вспышкой всех ламп, вытаскивающих меня из полудремы, сопровождаемый дневными лучами, жужжанием пылесосов и отсутствием интереса к персоналу. В номере появляется женщина, уверенно шагающая, как по подиуму, с сумкой «Биркин», висящей на сгибе правой руки, и сдержанным макияжем. От нее пахнет кремами, маслами и духами унисекс «Вайкики». Юбка-карандаш чуть прикрывает глянцевые, от регулярного ухода, загорелые колени. Она по-хозяйски осматривает все внутри, отбивая почти строевой, но изящный шаг в своих «лабутенах», оставляя на ковровом покрытии ямочки, которые сразу зарастают поднимающимся ворсом. Тонкими и красивыми пальцами левой руки с деловым маникюром «френч» и небрежно увешанным браслетом из белого золота и тремя кольцами, надетыми на два пальца, включая большой, она слегка касается мебели, проверяя, достойны ли все материалы, включая меня, скрасить ее пребывание здесь.

– Альбина, ну как тебе? – раздался заискивающий голос из коридора.

Я не заметил стоявшего в дверях человека, пока искоса, как солдаты смотрят на генерала с лампасами на строевом смотре, оценивал эту современную амазонку.

– Ну заходи уже, Серёж! – Ага, ага, иду, иду... Иду...–

вздыхнул Сережа, сильно подавший вопросительное лицо вперед с сгорбленных плеч, наброшенных на них дорогого, но мятого и нелепо сидящего серого пиджака.

И Серёжа, плетясь, появился в коридоре, бережливо толкая впереди себя правой рукой, на которой виднелось почти прозрачное обручальное кольцо и под корень обгрызенные ногти, чемоданчик «Луи Витон», за сохранность обивки которого он радел больше чем за себя. Поставил его, прислонив к кровати, не поворачиваясь к нему спиной, попятился к центру номера, не отводя глаз от чемодана, как будто он заминирован.

– Ну как, тебе? – спросила Альбина, даже не смотря в его сторону, а продолжая тактильно оценивать покрытие стола:

– Мне нравится! Остаёмся! – не дожидаясь ответа Сережи, продолжила она.

– Угу, дорогая, мне тоже, – проглотив окончание и звук, протянул он, зная, что адресат уже не слушает.

– Так, звоню папе, – сказала она вслух, но очевидно, что себе, как будто в помещении никого больше не было.

– Алло, папуль, мы заселились, – дрожащим и заискивающим голосом с завышенным тембром подростка затараторила эта величественная женщина.

У меня от удивления такой перемены даже бахрома чуть не зашевелилась.

– Как дети? Ага, хорошо... А как... А они... А что... А... Она не успевала закончить вопросы и предложения, кто-

то на другом конце провода перебивал её грубым басом. Слов говорящего на другом конце золотого «айфона», окутанного в чехол «Шанель», который она держала, еле касаясь лица и незаметно для себя отодвигала его от лица, как будто опасаясь, что телефон может ударить током, как при пытках, в случае неправильного ответа.

– Геннадию Ивановичу от меня привет, – промолвил Серёжа. Так за все время и не двинувшись с места с момента, как закончил миссию по доставке багажа, и в надежде, что его никто не услышит. Альбина лишь нахмурила брови, даже не отведя глаз с меня, с более достойного предмета, по её мнению, нежели ее муж.

– Хорошо, папуль, хорошо... Завтра... Да, завтра наберу... И я тебя... Пока... Папуль...

Всё так же безропотно, оторвав руку с телефоном от лица, на котором не читалась обида от того, что говорящий на другом конце положил трубку, не дав ей закончить фразу, шея владелицы этого лица сразу заметно осунулась, как по команде – вольно, напряжения больше не виднелись.

– Так, я в душ! Вещи пока разбери, скоро обедать пойдем!

Уже величественно, но всё так же оглядывая меня, а не адресата своих приказов, отрапортовала Альбина. Резко встала и как милостыню бросила на заправленную дорогим и плотным шелком кровать свой «iPhone 15 Pro Max» экраном вверх. Он остался включенным, и я увидел на заставке экрана двух детей, стоящих в обнимку на фоне аквапарка. Они

сильно отличались друг от друга, но в то же время между ними было что-то общее.

Девочка лет восьми с русыми волосами, как у Сережи и Альбины, а вот у мальчика – жгучего брюнета на вид лет двенадцати, но уже с пробивающимися усиками, сильный ген, явно не Сережин, взял верх над материнским.

– Хорошо, – обронил стоявший всё там же Серёжа, вытирающий потные ладони супруг. Я еле расслышал это за каблуками и захлопнувшейся дверью в ванную комнату, куда резко удалилась хозяйка айфона.

И вдруг мужчина, о существовании которого я почти забыл, стоявший как вкопанный в центре номера, резко расправил плечи, поменял позу, сунув руки в карманы джинсов, налился цветом, как персонаж детской раскраски, достал свой андроид с чехлом под кожу крокодила, у которого, чтобы увидеть экран, надо как книжную страницу перевернуть верхнюю часть, и сел на софу как на железный трон.

В ванной журчала вода, слышалось какое-то движение, но всё моё внимание было сконцентрировано на оседлавшем диванчик. А он, в свою очередь, был поглощен перепиской с кем-то. Чем больше он набивал сообщения в свой «Самсунг», тем больше ерзал, получая ответные СМС, менял позы и изредка, как олень на водопое, оценивая опасность нападения крокодила, поднимал голову, бросая взгляд в сторону двери в уборную.

Вдруг Сережа начал натирать себе промежность правой

рукой, переложил средство связи в левую и перевернув его в горизонтальное положение. Пальцами с заусенцами и кровоподтеками от покусанных кутикул, расстегнул ширинку джинсов и резко достал уже набухший и в полной боевой готовности детородный орган, начал мастурбировать, ноги сомкнув вместе и вытянул вперед, что пола касались лишь пятки, поясница выпрямилась и оторвался от спинки с бежевой обивкой, его тело касалось софы в двух местах – лопатками и филейной частью окраины сиденья. Он трясся, резко держа себя за член, не отрывая глаз от экрана телефона, которым он даже в этот момент, гордился. Вдруг он остановился, поменял руки, андроид взял в правую руку, вернув в вертикальное положение, а член обхватил левой как можно ближе к основанию, чтобы придать ему больший вид для фото, которое мгновенно сделал. Я услышал звук щелчка фотоэлемента и его он тоже напугал, что он сразу замер, глядя в сторону ванной и прислушиваясь шумит ли там вода. На его лице с выпученными глазами от тревоги выделился пот, но решительность останавливаться, его владельца не покинула. Сережа через мгновения опять поменял руки, продолжил дрочить, но уже полной концентрацией к процессу, рыская глазками по маленькому периметру экрана. Движения стали интенсивней, если бы не было гравитации, он бы оторвался от софы. Тело выгнулось и на мгновение оторвав пятки от напольного покрытия, он затрясся, покраснел, пот на лбу уже накопился каплями, начал даже как то странно

кряхтеть. Что-то похожее на судороги начало происходить с его телом...и он кончил, расцепив ноги, раскинув ступни в разные стороны, но все так же держа свой измученный прибор в правой руке. Нахмутив брови немного ослабил взор с экрана, как будто у него не получилось его прожечь взглядом.....

– Блядь!!! Ты че делаешь? А ? – Я не заметил, как в белом гостиничном полотенце, обмотанном вокруг половины тела одной рукой придерживая, над ним нависла как грозовая туча, с распущенными волосами Альбина. – Ах... Ты. Животное... Ах... Ты... Сережу парализовало, он побледнел, как будто жизнь покинуло его, начал стекать вниз дивна, как плед скользил еле-еле к полу...

– Ну ка, дай ка сюда. Она выхватила его телефон и на мгновение замерла от увиденного в экране и тут же резко выпустила его из рук, как будто он накалился и обжег ей пальцы.

– Пиздец тебе, дорогой !!! Все!! Я звоню папе!! – двумя шагами она добралась до края кровати, где оставила айфон и потянулась за ним.

– Нет! Не надо, Альбиночка, ты не так поняла! Альбиночка, любимая, погоди, я все объясню!! – в тщетных попытках, движимый инстинктами самосохранения от парализующего его сначала страха, но переходящего в действия, руками пытался остановить, супругу, начал хватать ее за плечи, талию, не заметил как повалил ее на кровать.

– Блядь! Отвали, урод! Папа тебя не то что уволит, он тебя застрелит гондона!! – дергаясь и извиваясь под ним, уже почти голая, верещала Альбина, полотенце с ней свалилось и лежало между ней и покрывалом, сминаясь все больше. Она ерзала не отпуская свой айфон из рук до которого Сережа пытался дотянуться, все больше теряя контроль. От осознания, что его жизни конец, если она сможет нажать кнопку соединения с последним абонентом. Но он уже как спортивный мотоцикл оседлал ее, их лица были напротив друг друга, а руки вытянуты над головами. Она тянула вверх аппарат, а он пытался его перехватить.

– АААА...Сукааа...– схватившись обеими руками, за свое потное лицо, заверещал Сергей, меж пальцев прижатыми к щекам, еле-еле сочилась кровь.

– Отвали, тварь!!! – сплюнув кровь с его потом, грозно и с ощущением победы резко сказала Альбина. Не столкнув его с себя, нажала вызов, на мгновение стало тихо, я слышал только прерывистое и резкое дыхание обоих.

– Говори! – металлический голос из телефона, разрезал воздух наполненный дыханием обоих, как будто запустив второй уровень: Альбина расслабилась еще больше, а вот Сергей, как одержимый, одним резким движением оторвал руки от лица и как накидной гаечный ключ вцепился ей в шею, перевел вес тела на переднюю часть, навалился на нее, смотря прямо в глаза. Начал душить, сжимая полукольцо пальцев вокруг гортани, как удав все сильнее, с каждым вы-

доходом своей жертвы. Лицо налилось кровью, глаза с лопнувшими капиллярами озверели, их покинуло малейшее присутствие смысла, в них я видел ужас с безумием, он что-то бормотал под нос, но не четко, мне еле слышалось.

– Ты не так поняла, я все...офф...юу..– у него текли слюны и капали на ее тело.

– Блядь!! Че у вас там происходит?! Ало!! Блядь! Аля...!! – уже громче и четче слышалось из трубки лежавшей, на полу.

Я посмотрел на Альбину она начала осознавать, происходящие и была бы рада, наверно отмотать назад время, когда ее глазницы выкатывались и цеплялись надеждой в направлении голоса с того конца телефонного соединения.

Вдруг она начала понимать, что ничего не отмотать, что ее сейчас не станет, она умирает – это что сейчас происходит и есть смерть. Попытка дернуться была тщетна, Сергей вгрызлся в нее все сильнее, она посмотрела в его лицо, ее рот был открыт, я видел как она шевелила языком издавая хрип..

И вдруг, она чуть расслабилась и я увидел, как желтеет полотенце, Альбина обмочилась, душа почти отделилась от тела... ноги и руки покинуло напряжение, ее пальцы отцепились от рук Сергея. Ее взгляд был опять на мне, но мне стало жутко, это был взор не человека, а трупа.

Сережа слез с нее, смотря на свои руки, не контролируя свое тело, сполз между стеной и кроватью, забился в угол,

поджав колени... продолжал, не закрывая рот, резкими и короткими вздохами хватать воздух, держа руки перед собой, глаза его безумно бегали, бросаясь то на меня, то на свои ладони, то на остывающее тело голой женщины, непрерывно мигающий экран лежащего айфона на полу с мигающей надписью: входящий «Папа».....

Опекунство № 3.

Слышу уверенные и тяжелые шаги, отдающиеся вибрацией от предметов, наполняющих номер. Ко мне кто-то быстро приблизился, ощущаю прерывистое дыхание, запах купажированного алкоголя перебивается жвачкой и ненавязчивым ароматом «Крид Авентус». Меня дернули за бечевку, и я включился, а основное освещение осталось нетронутым. Вижу только часть торса человека, обдающего меня ароматом амбры и перегара, который подошел очень близко. Черный галстук из очень плотной текстуры с ноткой глянца обвивает шею на белоснежной атласной рубашке, на которую накинут черный пиджак из английской шерсти того же кроя.

– Да, говори, ну! – отвечает на звонок черного айфона без чехла, уютно расположившегося в огромной мужской руке, на запястье которой на кожаном ремешке плотно сидят «Адамас Пеге» с хронографом.

– Ну, говори, к сути ближе давай! – командирским тоном произносит мужчина.

Женский голос на том конце начинает что-то быстро тараторить.

– Пусть в приемной промаринуется часок, а потом скажешь, что меня нет. Пусть думает, на кого залупался! Дальше! – продолжает он, не дождавшись подтверждения, что ко-

манда была услышана.

– А остальных подальше шли. Все правительство на каникулах, и я тоже, бля! Ну своим вежливым голосочком, как ты умеешь, смекаешь? – закончил он, опять не дождавшись обратной реакции. Положил телефон в карман пиджака.

Интерес у меня вызывает не его должность и не его медийность, а каковы же его комплексы и подавленные детские страхи? Я много видел властных и сильных мира сего. То, что есть у них комплексы – индикатор: общение с персоналом, с людьми, которые не дадут сдачи и не вставят слова поперек из-за своего более низкого положения в социальной цепи. Обращение небрежное, с пассивным поиском конфликта, в исходе которого они уверены. Как правило, это чьи-то дети, поставленные на «места» сильными родителями, либо волею случая хапнувшие эту ношу. Но вот «медные трубы» не вывезли, ибо это самое сложное испытание, стирающее в человеке человеческое.

Это множится на неуверенность с дрожащим заискиванием окружающих, и вуаля – типичный пример сего классового выкидыша сейчас передо мной.

Мужчина удаляется в центр номера при полумраке моего освещения и садится на край кровати лицом ко входу и спиной ко мне. Он плотного телосложения, высок и массивен – это видно даже при том, что он очень сильно сгорбился,

уткнувшись в экран телефона, и интенсивно набирает смс в мессенджере, моментально получая ответы. Не сворачивая данное приложение, с каждым характерным звуком приходящего текста ерзает, елозит, как бы оглядывается – никто кроме него не должен видеть, что в его айфоне.

И тут он резко встал, сделал полукруг по номеру, еле отрывая свои ботинки «Лоро Пьяна» от покрытия. Нажал на экран устройства, одновременно удаляя его от себя, как будто сделал ставку в казино и откинул на кровать. Начал кружить по номеру, но не отрывая взора от заблокированного экрана продукции «Эпл», лежащего на углу кровати. Как балерина кружится на сцене во время пируэта, а взгляд в одну точку.

Телефон издал характерный звук и засветился. Здоровяк замер, лицо его напряглось, дыхание замерло, легкое еле слышное поклацывание зубов друг о друга больше напоминающий скрежет пенопласта. Одним движением он дернулся к нему, схватил и поднес к скорченной гримасе, на которой вообще отсутствовали признаки жизни. Мужчина замер, весь, и смотрел секунды на экран, как гипсовый, не снимая блокировку. Он видел текст, но как будто смаковал момент осознания увиденного, сдерживая игру мышц напряжения на лице, что железы кожи выделяют испарину пота от пульсирующих вен на висках. Так же резко разблокировал устройство, когда оно погасло, что-то два раза щелкнул

и сразу опять отбросил, не глядя, на кровать. Секунды подышал, задержал дыхание и начал ходить по номеру, поправляя то пиджак, то галстук, затягивая, то дергая рукава рубашки, убеждаясь, что они должным образом виднеются из-под лацканов английской шерсти.

Мужчина явно нервничал, ожидая каких-то важных новостей или сообщений. Его поведение выдавало внутреннее напряжение и волнение.

Я продолжил наблюдать, как он расхаживает по номеру, поглядывая на телефон и поправляя одежду. Было заметно, что этот человек привык к власти и контролю ситуации. Однако сейчас он явно чувствовал себя неуверенно, ожидая известий, которые могут повлиять на его положение.

Мне стало интересно, что за новости он ожидает. Но я мог только строить догадки, продолжая исполнять свою роль безмолвного свидетеля.

Тук-тук-тук. Раздался стук в дверь номера. Мужчина выдохнул, как пловец перед погружением, набрал воздуха, расправил осанку и, сдержанно пытаясь скрыть мандраж, пошел к двери.

– Здраааасте, Сергей Маратович! – приятный и звонкий голос раздался в дверях. Я увидел, как детские тоненькие ручки обвили ему шею и повисли на спине, едва смыкаясь. На запястье одной руки я разглядел браслетик с мишками и

какие-то бирюзовые бусины. Ножки создания оторвались от земли, босоножки без каблуков, похожие на балетную обувь, чуть сползли с пяточек ног 33-34 размера, прикрытых беленькими носочками.

Я ощутил множество приятных ароматов – все они смешивались и перебивали друг друга: имбирное печенье, будто опущенное в томленное молоко, карамель, нуга, какая-то химическая, но приятная жвачка, дешевые цитрусовые духи с нотками малины и клевера. От запахов как будто стало светлее в номере, словно спирали выключенных ламп без подачи напряжения в них замерцали.

– Угу, привет, Мариночка, – сухо молвил он и, обернувшись, перенес на свою шею не размыкающиеся детские ручки. Поставил девочку на пол. Платице в горошек с опозданием опустилось и прикрыло полоску трусиков, разделяющую маленькую округлую попку, еще только привыкающую к такого рода белью.

– Проходи, – странным тоном сказал мужчина и как бы встал полубоком, одновременно освобождая проход. Еле вытянув массивную шею в коридор, оглядел маршрут Мариночки, убедившись, что коридор гостиницы пуст. Затем шумно выпустил воздух из легких с хрипом, как будто держал напряжение и не дышал при спуске с горы – так делают скалолазы. И снова резко наполнил их, уже как перед погружением.

– Спасибочки, дядь Серёж! Ой, простите, Сергей Марато...! Оооо... «Джуси Фрут»... Можно? – звонко и со стеснением от просьбы спросило это создание.

– Конечно, тебе можно всё! И я просил... Просто Сергей, можно, – очень смягчающе и обволакивающе, на окончании фразы сказал гигант в костюме.

Мариночка быстренько прошмыгнула к дубовому столу, перебирая тоненькими ножками с глянцевым морским загаром. На них не было ни складочки, ни морщинки, ни венки – они выглядели единым целым. Даже следов в сгибах коленей не оставалось. В номере как будто посветлело, я не мог оторвать от неё взгляд...

Она была так юна и так прекрасна, в самом начале своего становления женщиной. Физически приобретая одни запахи, но теряя другие. Этот стык созревания, когда в ней задерживались оба этих аромата. Тот пик взросления, когда мама ловит на своем дитяти похотливые взгляды мужчин и испытывает одновременно гордость и страх, тревогу и восторг. Иногда даже ужас, но в то же время – гордость, ведь ее дитя достойна таких взглядов.

Так и эмоционально – будто забота матери душит, а уже прорезаются нотки протеста в спорах и попытках вырваться, провокационными поступками, идущими даже вразрез с инстинктами. Но они обволакивают ложной надеждой, что это откроет мир взрослой и беззаботной жизни, лишенной

постыдной опеки.

– Хорошооооу, Сергей Мар..., Сергей! – оправившись, произнесла Мариночка, крепко сжав двумя ручками картонную коробочку с соком и втягивая ярко-оранжевый нектар через соломинку. Не останавливая процесса, оглядела номер без концентрации на деталях, просто водя своими красивыми, зелеными глазками по окружности.

И я заметил, что от этой картины не только мне тяжело оторвать взгляд, но и Сергей Маратович наслаждался ею...

Мариночка, казалось, даже не заметила пристальных взглядов мужчины. Она продолжала пить сок маленькими глотками, слегка покачивая бедрами в такт какой-то внутренней мелодии. Её юное тело было исполнено непосредственности и легкости движений.

– Вкусно? Мороженого? Вина, пока никто не видит! Ха-ха-ха! Ты только скажи, маленькая моя, все для тебя сделаю! – произнес мужчина совершенно иным тоном, который прозвучал совсем другим, чем двадцать минут назад, когда он общался с адресатом по телефону.

– Неа, – ответила Мариночка, не выпуская соломинку из своих маленьких, но пухленьких губок. Она даже не понимала смысла фразы, которую мечтает услышать каждая женщина. Ее больше впечатлял и радовал апельсиновый сок, а точнее процесс его питья, а также необычное окружение комна-

ты, которое она не видела ранее.

– Хорошо, моя радость, – произнес Сергей Маратович, стоящий напротив Мариночки, говоря даже еще мягче и выглядя как бы более расслабленным, но при этом как-то странно сосредоточенным. Подойдя ближе, он положил свою огромную ладонь на ее плечо и начал ее ласкать, поглаживая вниз до локтя и обратно, прикасаясь к гладкой, и бархатистой коже. Это движение руки расширило границы касания и задело ляпочки платья с открытым декольте и спиной, под которыми не было лифчика, и едва заметно были видны аккуратные молочные сосочки. Все в этой комнате, кроме Мариночки, невольно обращали на них внимание. Я восхищался, а Маратович почувствовал желание, с некоторой предосторожностью.

Этот никогда не опасющийся мужчина, казалось, внутренне сошел с пути, он мог позволить себе все и всех, но также, как и все, жаждал того, чего не мог достичь. У каждого человека есть свои преграды на пути к страсти – у кого-то физические, финансовые или этические, у других это страх перед внешними факторами. Однако, все эти барьеры исчезают, когда размышление затрагивает границы внутренних желаний. В этот момент появляется странная дрожь и возникает страшный выбор: оттолкнуть эти неясные и смутные образы или продолжать наслаждаться ими, как прыжком с парашютом, но только не знаешь нащупаешь ли заветное кольцо?

– Ой, щекотно, Сергей... – промурлыкала Мариночка, немного отринула от него, но так и не покинув свой участок между столом и кроватью. Она была словно кошечка, которую гладит незнакомый человек – и она прижимается, но осторожно опасается, не зная, что от него ожидать: выгонят на улицу или сделают что-то плохое. Естественная не знающая природа и пугает, и одновременно притягивает к ласкателью.

Сергей продолжал гладить ее уже двумя руками, как будто согревал после улицы, но делал это деликатно, становясь всё более сосредоточенным на объекте своих прикосновений, пахнувшей имбирными печеньями. С каждым сантиметром, который пробежал своими ладонями по ее коже, он все сильнее сосредотачивался на своих действиях. Его внимание напоминало крокодила, который ухватил антилопу и замирает, ожидая её реакции, чтобы определить, как ее крутить. Он знал, что уже не упустит свою «добычу». Я тоже это понял.

– Тррфф-трфф – издался неловкий звук из пустого пакетика с соком, который был у неё во рту.

– Ой, сок кончился – сказала Марина, не вынимая трубочку изо рта. Она стояла в той же позе, не шевелясь, только обратив глаза немного вбок и вверх головы не переставшего

ее наглаживать Сергея Маратовича.

– Я тебе ещё куплю, малышка. И сок, и лимонад, и всё, что захочешь. Я куплю для тебя всё и всех – сдержанно сказал Сергей, аккуратно вынув из её рук пустую коробку и поставив её на стол.

Мариночка молчала, пока Сергей Маратович переставлял её как куколку, от стола ближе к огромной кровати, она все также смотрела двумя глазками вверх, но лишь менялось изображение для нее. Он посадил её на кровать, её ноги были собраны, спина прямая, лицо напротив его живота. Он слегка присел, чтобы его голова была напротив ее личика, и аккуратно снял ляпочки ее платья, обнажив грудь. Я не мог отвести взгляд от только-только сформировавшихся сосков, которые торчали, но еще не было понятно, от чего – от волнения, озноба или возбуждения. Это был тот момент созревания, когда грудь и соски только начинают примерять бюстгальтеры для забавы или чтобы узнать, как они смотрятся. Владелица этой молодой груди быстро понимала, что именно привлекает взгляд прохожих мужчин. Это был тот момент непорочности красивого женского тела, когда что-то внутри этой же девушки стремилось бездумно и грубо все это испортить.

Сергей Маратович начал изучать их своими руками, сидя на корточках в явно неудобной позе, однако это его не

смушало. Ничто не могло отвлечь его внимание. Казалось, он видел и прикасался к тому, что не мог увидеть в детстве, когда был всего лишь простым мальчиком, ничего не подозревающим о власти и лести. Только любовь была обращена на него, и вот она теперь перед ним. В его взгляде сочетались одержимость и счастье, страх и вожеление. Сознание и понимание происходящего на мгновение покинули его уже стеклянные глаза.

Марина не сопротивлялась и ничего не говорила, лишь покорно позволяла себя гладить, положить на кровать так, что ноги еще касались пола. Позволила стащить с себя платье поместив обе свои ножки в его руку, когда он стаскивал этот клочок шелка. Она смотрела на Сергея Маратовича, неловко пытаясь поймать его взгляд и осматривая, как она полностью попадает в его власть, как будто щенок из приюта у нового хозяина на руках на приеме у ветеринара трясется от страха, но любовь к хозяину заставляет сдерживать мандраж внутри.

Он взобрался на неё, я видел как его огромное мужское тело, полностью покрыла её хрупкое тельцо. Это напомнило мне грозовую тучу, заслоняющую собой участок прекрасной земли и погружающую всё вокруг в сумрак. Его дыхание было резким и хриплым, и я снова почувствовал запах перегара. Мариночка сжимала покрывало хрупкой ручкой,

украшенной милыми браслетами. Наблюдая, как её кулачок становится все сильнее, я представил, как она хочет растворить в пыль всё, что удерживает. Интенсивность движений и грубый хрип, накрывающий тело, становились всё сильнее с каждой секундой.

Все внезапно остановилось, не успев начаться, стало тихо, дыхание этого перевернувшегося на спину и раскинувшегося как звезда туловища, стало спокойным и монотонным.

Сергей Маратович лежал на спине, его лицо менялось: то улыбка, то нахмуренные брови, то казалось, что слезы могут потечь – но было неясно, от счастья или от горя. Затем снова улыбка, внушающая ужас, затем оскал, обнажающий белые зубы, но хищника-травоядного. Уголки губ то опускались, выражая счастье, то поднимались, создавая ужасающую улыбку. Все эти изменения на его лице происходили хаотично, словно душа в мгновение отслаивалась от тела, потом снова возвращалась.

Марина молча повернулась на бок, укрывшись уголком покрывала и поджав колени к подбородку. Она уткнулась в экран своего телефона, лежащего на краю кровати. Я видел только часть ее обнаженного тела и экран телефона, где она машинально листала ленту социальной сети, пытаясь наполнить свою жизнь чужими, но фальшивыми образами.

Мужчина начал ориентироваться в пространстве, его гла-

за проморгались и вновь наполнились решимостью и властью. Это было видно даже в том, как он положил свою мощную руку на спину Марины и начал небрежно гладить ее, уже не так сосредоточенно, как несколько минут назад. Он держал телефон перед лицом одной рукой, а другой поглаживал Марину, словно одобрял цирковую зверушку за выполненный трюк, но уже думал о своих делах. Его тело все также было растянато по кровати.

– Тебе, если вдруг не дадут стипендию на МГУ... Хотя почему, бля, не дадут? В гимназию-то эту дали, а она может и потруднее будет. Я, блядь, за свою дармоедку башляю каждый месяц и договариваться заебался. Ты либо напиши мне, либо дочке моей расскажи, ну как бы невзначай, вы же там на каких-то кружках вместе? Продленках, уроки... пересекаетесь. – Выдал Сергей Маратович, на выдохе и сразу набрал опять полные легкие, подготовившись вещать дальше, но уже не в пустоту, а чуть наклонил свою голову в сторону Марины, как будто убедиться, что обе фразы ей слышны и понятны.

– И ты ведь понимаешь, что все между нами и это наш секрет, и его сохранность выгодна обоим? – сказал мужчина, но очень четко произнося каждое слово, как будто очертил договор о последствиях нарушения, которого лучше не догадываться.

– Угу, конечно, дядя Сереж – не отрываясь от листания

инстаграма обронила Мариночка.

– Ну вот и умничка! – одобрительно, но как-то больше успокаивающе, себе под нос сухо произнес Маратыч. Положил телефон на массивную тумбу возле кровати, сложил обе руки у себя на животе и прикрыл глаза.

Ничего не происходило, я слышал сопение и редкие звуки, похожие на вздохи с храпом. Живот с лежащими на нем руками поднимался вверх-вниз, дергание и ерзание по своей пятой части кровати Мариночки, не отпускающей телефон из ручонки, чему я даже внимания не придавал.

Внезапно на телефоне, лежащем на ближайшей ко мне тумбе, начали приходить смс-сообщения. Он стал мигать, звонки прерывались вибрацией, а смс-уведомления выскакивали на заблокированном экране. Через несколько секунд экран был заполнен стандартным заставочным изображением iPhone, а смс-сообщения и вибрация продолжались. Сергей Маратович начал двигаться и моргать, когда вдруг стационарный отельный телефон зазвонил с неприятнымрывающим рингтоном. Мариночка вздрогнула, а Маратыч резко вскочил в сидячее положение.

– Да!!! – злобно и резко отвечал он, схватив белую трубку, и звон стих.

– Чего, блядь...? – его голос ревел, и он схватил свой мобильный телефон, разблокировал его и начал изучать содержимое смс, сбрасывая звонки. Его лицо побледнело, гу-

бы сжались так сильно, что посинели, и скулы начали дрожать, видно было, как он кусает щеки изнутри. Возможно, подсознание инстинктивно хотело проснуться, чтобы не принимать ужас реальности и оставить все в несуществующем кошмаре. Он продолжал сидеть и смотреть на экран, не двигаясь, не дыша, вены стали видны сквозь толстую кожу. Пальцы ног почти сжались в кулак. Резко встал, пошел в одну сторону, но, не дойдя до стола, поменял направление и побежал в противоположную сторону. Затем повернул вправо, потом влево, дышал так, словно он астматик во время приступа, жадно вдыхая, будто от него уходящий воздух. Опять встал, опять пошел, не отрывая кровотокающих глаз от непрерывно мигающего экрана телефона.

– Что ты сделала, дура, блядь!?! А, бля...? – агрессивно и брызжа слюнями, глотая окончания слов от все большего охватившего его ужаса, резко дернулся к лежащей все там же Мариночке.

– Телефон, где твой, тварь? – сдернул с нее покрывало и выдернул из ее ручек iPhone.

– Пароль...? – но не дождавшись ответа, схватил ее рукой за испуганное сонное личико и поднес вплотную экраном и блокировка открыла экран. Он что-то судорожно начал листать, а потом замер, перестал дышать. Я видел на его лице ужас отчаяния от безысходности сию момента, так приходит принятия краха жизни и так выглядит лицо человека, из «царя» превращающегося в «прокаженного» и в полной ме-

ре понимающего это и умершего при еще живом теле.

– А-А-Аaaa! Блядь! Сукаaa!! – он издал вопль отчаяния, я видел, что-то наподобие слез и слюны висели на подбородке и на разомкнутых от крика губах. Мариночка как побитый щенок сползла вниз с кровати и гольшом забилась в угол между кроватью и стеной, виднелась только трясущаяся макушка и локотки пытающиеся охватить и телепортировать беззащитное тельце.

Этот обезумевший медведь со стеклянными глазами, текущей слюной, как будто резко заразился последней стадией бешенства, дернулся к портфелю, достал пистолет, взвел курок, направил на Мариночку. Она уже никуда не смотрела, а просто пыталась вжаться в стену спиной и резко проскальзывая ножками по ковровому покрытию, как будто по лыжне, но в одном месте.

– А-А-А-AAAA!!! Сукаaaa!!! – с плачем и стоном орал он и направлял на нее оружие. Я метал свое внимание от нее к нему, от него к ней. Вдруг все замерло, даже поднятые им остатки пыли, когда он нарезал круги по номеру, как будто зависли и перестали притягиваться к полу силой притяжения... Маратыч одним движением сунул холодный ствол себе в рот, что я услышал звук отколовшейся эмали, закрыл глаза и нажал на спуск...

Успех № 4.

Дверь открывается резко, ударяясь об отбойник с резиновым уплотнителем, отскакивает, почти закрываясь, но не успевает коснуться косяка и упирается в выставленную ногу. До меня долетает поток воздуха созданный этим действием и резкий и избитый аромат, который я часто слышу от посетительниц с низкой социальной ответственностью.

Я не заинтригован, а разочарован – этот контингент бывает здесь довольно часто, либо в компании мужчин зрелого возраста, либо в женских компаниях. Они пахнут соответственно, а их поведение меня уже не удивляет. Их разговоры тоже предсказуемы – слова, поставленные в ряд и выдаваемые за остроумный диалог. Это может разве что позабавить при невыносимой скуке и отсутствии выбора. Даже китайский робот-пылесос, работающий тут между постояльцами, менее предсказуем и более загадочен в своих устных изречениях на ломаном русском.

В проходе появляются большие разноцветные картонные пакеты в женских руках, оставляющие красные следы на ладонях от тяжести ручек. Девушка очень резко врывается в номер, как спортсменка, пересекающая финишную ленту, сбрасывает пакеты на пол, и, готовая к новому забегу, одним пируэтом поворачивается к двери.

– Макс, Максик, ну же... Заходи! – очень звонко, с задором, но с нетерпением в голосе, чавкая жвачкой, бросает она в открытую дверь. Убедившись, что адресат её призыва вошёл в номер, делает круговой оборот и, раскинув руки и ноги, как звезда, прыгает на кровать с криками.

В номер входит молодой человек с искусственно наглым видом – в ярко-зеленом спортивном костюме, с задранной воротом под подбородок, с цепочкой для креста, нелепо надетой поверх брендированной кофты. Пакеты известных шоу-румов падают на пол и рассыпаются, как букет поставленный в вазу, плотно стянутый для транспортировки. Мой взгляд режет обилие разношерстных брендов, оказавшихся близко друг к другу впервые.

Максик оглядывает кучу перед собой, и с каждой секундой всё больше расправляет плечи, не отрывая взгляд от купленного. Как будто он не предметы приобрёл, а саму гордость, и, судя по возрасту, всё ещё мысленно унижает бывших одноклассников, рассматривая этикетки. Это придаёт ему власти, но лишь в его фантазиях, где он и застрял, оценивая себя на фоне «букета».

– Малыш..., Ну...?? Падай ко мне..! – чавкая жвачку, тянет заниженным тембром девочка ерзающая на кровати все в той же позе.

– Ага, зай, ща ! – интенсивно всосав носом воздух и что-то похожее на насморк, резко бросил вытащенный из властных

фантазий юноша.

Максик неспешно идёт к зовущей его избраннице, сперва телом, а голову и взгляд переводит на неё с запозданием – вылезать из услады подпитывающей тебя гордыни непросто.

Вот они уже лежат на кровати рядом, их руки соприкасаются, но это не ласковые прикосновения возлюбленных, а лишь тактильная проверка, что кто-то есть рядом. Их взгляды устремлены в потолок, в них нет ни оценки освещения, ни предвкушения, ни мечтаний – сквозит какая-то тревога и страх, тут же подавляемые выдуманными фантазиями.

Девушка достаёт телефон, включает фронтальную камеру и поднимает над их лицами, устремленными вверх. Они начинают подстраиваться к объективу, словно ожившие мертвецы – есть движения, жизни нет. Скорее гримасничают, как куклы в руках кукловода, демонстрируя эмоции по команде ради последующей выкладки в соцсеть. Приближаются друг к другу, соединяя головы и фокусируясь на камере. Реплики в духе образов – «ухуу, дело само себя не сделает», «спасибо, что верите в нас», «успех требует усердия». Камера выключается. Они отлипают друг от друга уже чужими людьми.

– Зай, иди ко мне – говорит Максик, быстро встает и достаёт из рюкзака макбук, стоя открывает, начинает что-то изучать, вызывая мое любопытство сайте. На экране я вижу какие-то фотографии пакетиков с веществами, какая-то таблица с цифрами, вкладки меняются одна за другой пока он орудует пальцами по курсору.

– Ну что там? – без особого любопытства спрашивает девочка, тут же оказавшись рядом. Её больше интересует собственный вид – она осматривает украшения, часы, поглаживает рваные джинсы, расправляет только что купленную кофту. Во взгляде читаются восхищение собой и самодовольство от ощущения доминирования над миром, который якобы прогнулся перед ней и её парнем. Одновременно она убеждает себя в собственной гениальности, а всех остальных – серыми идиотами. Даже одобрительные покачивания головы выдают этот победоносный внутренний монолог. Ей неважно «что там» – она знает ответ: там всё заебись, ведь они вытянули удачу за хвост и не только безнаказанны, но и обеспечены, и всё у них в гору идет.

– Все гуд, маленькая! – с задором и вызовом, четко произносит молодой человек, вытирая рукавом дорогой, новой шмотки подтеки под носом, а остатки этой эмульсии, сразу же ладонью очищает о штаны, выдав свой недавний жизненный путь от деревенского простофили до хапнувшего легких денег наркоторговца с извращенной и растущей гордыней. Прошедшего курсы по информатике на школьных уроках в Коврове, но применившего знания, в перерывах от дрочки на порно сайты, в соседних запретных ресурсах. И вуаля, он убежден – он на коне и неуязвим и хочет двигаться дальше тестируя на прочность свою неприкасаемость.

– Малышечка, давай по взрослому кайфанем! Ммм? Хотели же! А то нос уже горит, да я на ютубе видел обзор, так

сильнее и красочнее вставляет!

– Нууу...не знаю... Ты уверен? – с дрожью в голосе произнесла она, вытянув худое лицо, покрытое размазанным самодельным макияжем. Трехдневная краска не скрывала бордовых теней под её пустыми глазами.

– Абсолютно уверен! – решительно ответил Максик, стараясь убедить её и себя. Он рылся в кармане зеленого костюма и достал сверток в белом целлофановом пакете с надписью «36.6 – сеть аптек».

– Сначала сделаю тебе и меньше дозу, буду контролировать твое состояние, моя малышечка! – продолжал он, доставая из другого кармана комок из желтой изоленты.

– Поставь чайник! Приготовь ту большую столовую ложку! – отдал команду юноша со стеклянными глазами, разворачивая содержимое пакета и комка.

Девушка молча и быстро выполнила указания, села на край кровати, не сводя глаз с кипящего чайника на столе, металлической ложки и своего проводника в пугающую, но манящую неизвестность.

Этот худощавый, молодой человек начал манипулировать подготовленными предметами, его движения были неуклюжи, но в то же время хирургически точны с небольшими паузами, чтобы вспомнить, взгляд устремленный вверх, как будто воспроизводя в памяти до дыр просмотренный обу-

чающий видеоролик. Он раскрыл желтую упаковку, в которой был пакетик с белым порошком, постукивал по нему пальцем, чтобы все содержимое опустилось на дно девайса, затем положил его на стол, взял ложку, слегка выгнул ее и прижал основанием к MacBook'у, в то время как другой конец, тот, которым черпают содержимое тарелок, оставил висеть над полом. Затем взял пакетик и, склонившись над поверхностью медной ложки, замер, двигались только его руки, выплескивая из пакетика порошок в ложку. Разогнувшись, из стоячего положения он оценил количество белого вещества, покрывающего дно ложки, и слегка повернул голову вправо-влево, чтобы увидеть объем порошка. Затем достал шприц из аптечного пакета, слегка разорвав его зубами, чтобы не развязывать узлы. Достал патронташ шприцов, собрал шприц, насадил иглу и зубами снял «гараж», оставив иглу обнаженной. Заполнил половину чайной чаши горячей водой из чайника, затем опустил кончик иглы в воду и набрал в шприц 2 куба прозрачной жидкости. Поднес шприц к висящей ложке и аккуратно вылил в нее воду, покрыв порошок. Затем достал зажигалку и начал подогреть получившуюся массу, помешивая ее одной рукой, в то время как другой держал зажигалку. Замерев в полусогнутой позе, он выпустил зажигалку, которая упала на пол, затем опустил кончик иглы в ложку, предварительно обмотав его куском ваты, и набрал весь раствор. Поднял наполненный шприц на уровень глаз и начал оценивать раствор, колотя его одним пальцем, как бы

давая легкие щелбаны. Убедившись в чем-то, он осторожно положил шприц на край стола и оторвал еще один от патронташа, распаковал его и разделил содержимое на уже на два шприца, аккуратно высосав новым чуть меньше половины из основного.

– Готово! – с уверенностью и гордостью произнес Макс.

– Давай тебя первую «поставлю» и все проконтролирую – продолжил он, но явно не своими словами.

– Мне немного страшно, – сказала дрожащим голосом не отрывая заворуженно, любопытного взгляда со своего подельника и содержимого его рук.

– Все под контролем! Я тебе меньше сделаю! Ты же меньше меня, да и в целом тут немного, а учитывая наш толер после после последних тусовок... Хз вставит ли как должно? – сказал он, смотря на пузырьки воздуха, поднимающиеся к горловине прозрачного шприца.

– Давай руку и пережми выше. Она задрала рукав левой руки, а правой кистью сжала бицепс.

– Сжимай и разжимай кулак, – приказал Макс. Она послушно выполнила его указание, взгляд устремленный на приближающуюся к ее тонким венам иглу.

– Ай! – взвизгнула она, когда игла пронзила, почти прозрачную кожу.

– Тссс... Тихо... Всё в порядке... – выдыхая содержимое легких на место соприкосновения смерти и жизни, прошипел парень, вводя раствор. – Все ложись.

Она опрокинулась спиной на кровать, начала стонать, на ее лице начала вырисовываться странная улыбка, ноги начали чуток подниматься, она начала слегка стонать, зажимая на сгибе руки пальцем, чуть давшую кровь дырочку.. Макс наблюдал за ней, улыбка на его лице увеличивалась вместе с её удовольствием. Понаблюдав за ней пару минут, сел рядом, одной рукой снял свою цепочку с крестиком висевшую на шеи, просунул в нее левую руку, закатал рукав, схватил зубами кончик болтающегося серебряного изделия, передавшим ему бицепс левой руки и по такой же схеме ввел себе все до конца и рухнул с ней рядом. Сначала застонал, но вдруг начал дергаться, задрал ноги, шприц болтался воткнутым в руку, сочилась кровь, он пытался что-то хрипеть, дергался, касался своей подруги, но она не открывая глаза, стонала еще сильнее, думая что это любовные прикосновения. Он забился в судорогах, каких-то не амплитудных, а точечно резких, вдруг хриплый протяжный выдох, и его конечности рухнули: руки на кровать, а ноги на уютный ковролин, носки в дорогих кроссовках смотрели в разные стороны. Молодой мальчишка остался бездыханно лежать, чуть касаясь остывающей рукой бедра, своей стонущей от удовольствия спутницы.

– Ааа... о боже, это было, пиздец, как круто! – проморгавшись, поднимая свое тело, стонущим голосом сказала девочка. Одновременно заново принимая свое местонахождение и себя другую, бросила взгляд на Максима.

– Максик, ты как?– настороженно спросила она, толкнув

его руку тем же бедром, увидев торчащий в покрытой кровоподтеками руке шприц.

– Максик ...Нууу...Ты ...Че? – с нагнетающим звоном и дрожью наполненной недоверием повторяла девушка, обернувшись к нему в пол оборота и двумя руками пыталась растолкать его.

– Вставай!! Хорош уже!! – яростней продолжала она и трепала его тело все сильнее и сильнее...

– Блядь ! Заебал! Не смешно! Макс! Максим! – она уже вознесла себя к его телу и подогнув ноги под себя начала как лодку раскачивать, трясти его с бока на бок. Какое-то безумство охватило ее, она видела его синеющие открытые губы, но пустые глаза. Заметила как из его бордовой вены выскокчил шприц со сгустками крови и упал на пол, как его конечности с опозданием повторяли движения его бездыханного тела. Девушка продолжала его трясти, увиденное не хотелось приниматься, во взоре вверх и глазах у которых не было возможности плакать от обезвоживания, я заметил ужас. Еще попытка заплакать, открылся рот и сухие потрескавшиеся губы издали какой-то хрип с обращением в пустые стены. Она остановилась, замерла. Ее руки остались на остывающем теле. Смотрела в одну точку, будто хотела сквозь стену что-то увидеть, что подскажет ей что этого не существует и это не с ней. Рот был открыт, но дышала она носом с которого стекала какая-то жидкость и свисала с передней губе.

Она продолжала так сидеть и смотреть в пустоту, а пакеты

так и лежали не распакованы и пестрили красками, но ценники всеми желанных и известных брендов не были привлекательны.